

Под научной редакцией АЛЕНЫ ЛЕНКОВСКОЙ, уголовного юриста,
юридического психолога, автора блога @alenushkalen

ДОКТОР ЯД

О ТОМ, КТО ТИХО
УБИВАЛ МОЛОДЫХ ЖЕНЩИН,
ПОКА ВСЕ БОЯЛИСЬ
ДЖЕКА-ПОТРОШИТЕЛЯ

ДИН ДЖОББ

18+

ЖУРНАЛИСТ, СПЕЦИАЛИЗИРУЮЩИЙСЯ НА КРИМИНАЛИСТИКЕ

Монстры среди нас. Книги о самых
жестоких маньяках и серийных убийцах

Дин Джобб

**Доктор Яд. О том, кто тихо
убивал молодых женщин, пока
все боялись Джека-потрошителя**

«ЭКСМО»

2021

УДК 340.6
ББК 58

Джобб Д.

Доктор Яд. О том, кто тихо убивал молодых женщин, пока все боялись Джека-потрошителя / Д. Джобб — «Эксмо», 2021 — (Монстры среди нас. Книги о самых жестоких маньяках и серийных убийцах)

ISBN 978-5-04-179864-2

Все слышали о Джеке-Потрошителе, но мало кто знает о докторе Крime, чьи преступления были не менее жестокими. Эта книга о серийном убийце, который охотился на женщин в Лондоне, Чикаго и Канаде более 100 лет назад. Поведение доктора Крime всем казалось странным: он с ненавистью говорил о женщинах, был одержим ядами, охотно показывал всем фотографии с голыми девушками и при этом крайне настороженно относился к людям. Тот факт, что никто изначально не заподозрил его в совершении серии страшных преступлений, свидетельствует о безусловном доверии людей к врачам, а также несостоятельности методов ведения исследований. Тогда термина «серийный убийца» еще не существовало, и Крим положил начало новой «породе» преступников, которые, как ошибочно казалось, действовали без мотива и «убивали только ради убийства». Доктора Крime неоднократно арестовывали и допрашивали, но потом снова отпускали на свободу. Не боясь наказания, он продолжал планировать новые зверства... В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

УДК 340.6
ББК 58

ISBN 978-5-04-179864-2

© Джобб Д., 2021

© Эксмо, 2021

Содержание

Примечание для читателей	7
Пролог. Призраки	8
I. «Первый из преступников»	14
Глава 1. «Великий город, пораженный грехом»	14
Глава 2. Сыскная лихорадка	21
Глава 3. Эллен Донворт	26
Глава 4. Матильда Кlover	29
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Дин Джобб
Доктор Яд. О том, кто тихо
убивал молодых женщин, пока
все боялись Джека-потрошителя

Посвящается Керри

Когда доктор – злодей, он всегда бывает самым ужасным преступником.

У него есть и смелость, и знание.

Шерлок Холмс, Артур Конан Дойл. Пестрая лента, 1892 год

Доктор Томас Нил Крим, несомненно, величайшее чудовище, которое только видел наш век.

News of the World (Лондон), 23 октября 1892 года

Dean Jobb THE CASE OF THE MURDEROUS DR. CREAM by Dean Jobb

First published in the United States under the title:

THE CASE OF THE MURDEROUS DR. CREAM:

The Hunt for a Victorian Era Serial Killer

Copyright © 2021 by Dean Jobb

Maps by Mary Rostad

Published by arrangement with Algonquin Books of Chapel Hill, a division of Workman Publishing Co., Inc., New York (USA) via Alexander Korzhenevski Agency (Russia).

© Шустова А.П., перевод на русский язык, 2022

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023



Москва 2023

Примечание для читателей

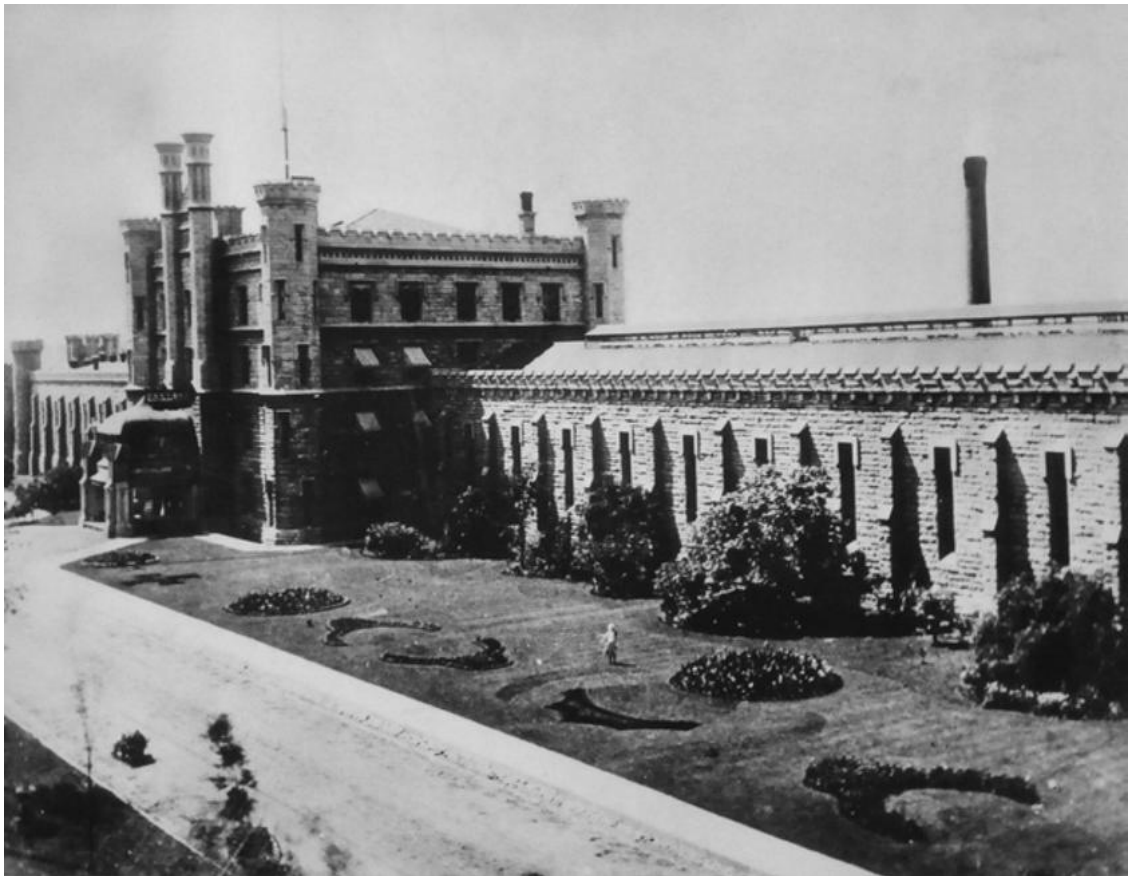
Это правдивая история серийного убийцы, который охотился на женщин в Лондоне, Чикаго и Канаде более 100 лет назад. Упомянутые диалоги, сцены и детали не были придуманы или приукрашены. Каждое слово, заключенное в кавычки, взято из судебного или полицейского досье, газетного отчета, мемуаров, исторического исследования, письма или другого документа, хранящегося в архиве или музее. Формулировки и варианты написания в цитатах были сохранены без исправлений, поэтому прошлое может напрямую обращаться к настоящему.

Пролог. Призраки

Джолиет, штат Иллинойс, июль 1891 года

Железная дверь тюрьмы Джолиет штата Иллинойс со скрипом распахнулась и вытолкнула изможденного мужчину в мир, который он покинул почти 10 лет назад. Последний июльский день 1891 года, пятница, безоблачное небо. Высоко над головой мужчины, на вершине серых известняковых стен тюрьмы, что находилась в 65 километрах к юго-западу от Чикаго, люди в синих куртках с винтовками «Винчестер» смотрели, как он уходит. Если бы это был побег, любой охранник мог бы всадить ему в спину 16 пуль без перезарядки.

Впалые щеки и резкие черты лица Томаса Нила Крима стали следствием многих лет каторжных работ и пребывания в душераздирающем аду одиночного заключения. Он сменил полосатую черно-белую униформу на новый костюм с 10 долларами в кармане – скромный подарок от штата Иллинойс. Немногочисленные пожитки мужчина сложил в наволочку. Он имел право на покупку билета от места осуждения до дома, но у него не было желания возвращаться в Белвидир, город на севере Иллинойса. Персонал тюрьмы, известной как Джолиет, переставал стричь заключенных за несколько недель до освобождения, и мужчины могли отрастить усы или бороду, что помогало им сливаться с толпой, но эта практика мало что изменила для Крима – он был почти полностью лысым. Кроме того, после ежедневного марширования в ногу с другими заключенными – прижавшись друг к другу, гуськом, медленно продвигаясь вперед, как гигантская полосатая гусеница, – их выдавала шаркающая походка. «Полоски, – отметил начальник тюрьмы Джолиет Роберт Макклаффри, – просвечивают сквозь его гражданскую одежду».



Пенитенциарное учреждение штата Иллинойс в Джолиете (авторская коллекция)

Крим находился в тюрьме 9 лет и 273 дня. Когда Крим начал отбывать наказание в ноябре 1881 года, Честер Алан Артур стал президентом, заменив убитого Джеймса Гарфилда. Затем пост главы США занял Гровер Кливленд, а после него в Белом доме поселился Бенджамин Харрисон. Люди, заглядывавшие в окуляр прототипа кинетоскопа Эдисона, представленного несколькими неделями ранее, были поражены, увидев движущиеся изображения. Телефон, новинка начала 1880-х годов, теперь имелся почти в четверти миллиона американских домов и офисов. В Спрингфилде, штат Массачусетс, братья Чарльз и Дж. Фрэнк Дюриа возились с прототипом, который назвали «Мотор-универсал», – первым в Америке автомобилем с бензиновым двигателем.

Изменились даже методы борьбы с преступностью. За несколько лет до освобождения Крима в Джолиет прибыло множество странно выглядящих штангенциркулей и измерительных приборов. Откалиброванные в сантиметрах и миллиметрах – в метрической системе, редко используемой в Соединенных Штатах, – устройства были разработаны для точного измерения размеров определенных частей тела. Эта новаторская система идентификации преступников носила название столь же странное и чуждое, как и используемые для нее инструменты, – бертильонаж.

Система была основана на 11 измерениях, включая общий рост человека, ширину головы, размеры уха, размер левой стопы и предплечья, а также длину среднего и безымянного пальцев. Подозреваемых также измеряли в положении сидя и с вытянутыми руками. Можно найти мужчин со стопами одинакового размера, но вероятность того, что несколько показателей окажутся одинаковыми, незначительна. Более того, шанс найти двух подозреваемых с 11 одинаковыми параметрами оценивалась как 1 к более чем 4 000 000. Чтобы и вовсе свести возможность ошибки к минимуму, лица преступников фотографировали, записывая цвет глаз и отмечая любые татуировки или шрамы. Система «обеспечивает выявление преступников и

хронических нарушителей закона... с абсолютной уверенностью, – заявил секретарь отдела записей тюрьмы Джолиет Сидни Уэтмор. – Ошибка невозможна».

Бертильонаж преподносился как научное решение проблемы, которая долгое время стояла перед полицией и судами: необходим был способ выявления рецидивистов, чтобы гарантировать, что они не подвергнутся более мягкому наказанию, чем те, кто впервые совершает правонарушения. Некоторые полицейские и тюремные чиновники к тому времени уже начали фотографировать арестованных и заключенных: полиция Бирмингема в Англии в 1850-х годах возглавила это движение, направляя подозреваемых в фотостудию, чтобы те позировали для некоторых из самых ранних снимков. К тому времени, как Крим попал в Джолиет в 1881 году, эта практика была распространена повсеместно, и его фотография пополнила постоянно расширяющуюся тюремную галерею. Закон штата Иллинойс требовал, чтобы рецидивисты выявлялись и наказывались соответствующим образом: осуждение за второе серьезное преступление предусматривало не менее 15 лет тюремного срока, за третье – не менее 20 лет. Но фотографии не были надежным методом отслеживания и опознания преступников. Черты лица менялись по мере старения человека, а отращивания усов или бороды могло быть достаточно, чтобы затруднить опознание. Поскольку фотографии обозначались именем конкретного преступника, предприимчивый нарушитель закона мог просто сменить имя.

Однако все изменилось с появлением Альфонса Бертильона – клерка в главном управлении парижской полиции, которому надоело составлять отчеты, содержащие краткие и расплывчатые упоминания о внешности преступника. Благодаря своему отцу, известному антропологу, Бертильон был хорошо знаком с антропометрией – научным исследованием размеров и пропорций человеческого тела. Однажды в 1879 году, перебирая бумаги, он понял, что запись точных антропометрических измерений преступника должна облегчить опознание рецидивистов. Поначалу начальство высмеяло идею о том, что науку можно использовать для борьбы с преступностью, но три года спустя Бертильону все же разрешили проводить измерения подозреваемых, чтобы проверить теорию. В течение года он выявил достаточно рецидивистов, чтобы доказать, что система работает. В 1885 году национальная пенитенциарная система Франции приняла систему бертильонажа; вскоре к ней присоединились полицейские силы и пенитенциарные учреждения других европейских стран.

Роберт Макклаффри, дальновидный начальник Джолиета, принес метод бертильонажа в Соединенные Штаты.

Запись измерений тела стала частью процедуры приема новых заключенных в Джолиет уже в 1887 году, и Макклаффри призвал другие тюрьмы внедрить эту систему для поимки рецидивистов.

«Она заменяет неопределенность определенностью, – утверждал он, – абсолютно надежная идентификация вместо проницательной догадки детектива, куда более полезное свидетельство, чем фотография». Полицейские силы и тюремные чиновники по всей стране приняли новую технологию борьбы с преступностью, и в течение десятилетия 150 американских полицейских отделений и тюрем внедрили эту систему. Обладание набором инструментов Бертильона, как заметил один американский криминолог, «стало отличительной чертой современной полицейской организации».

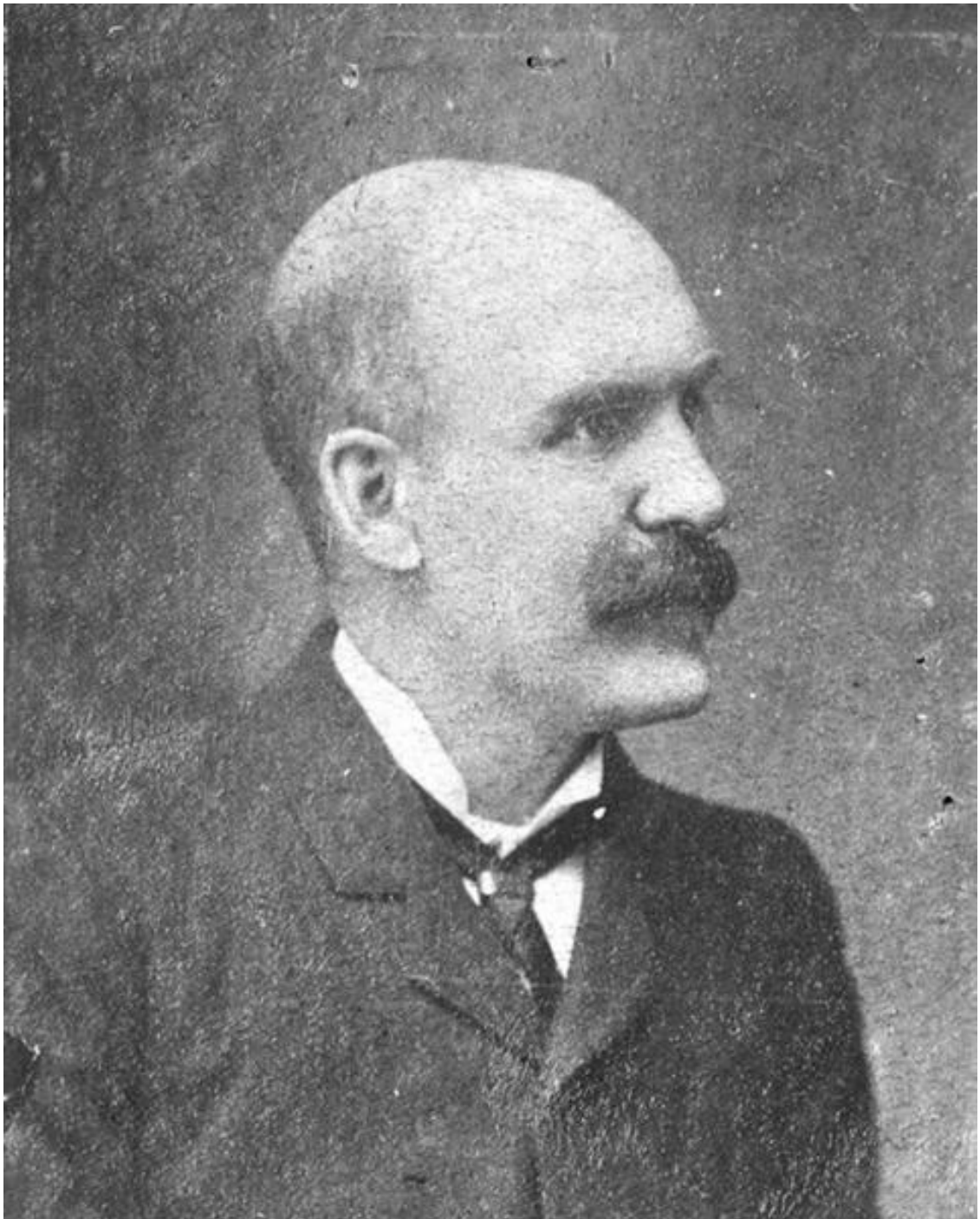
Но у бертильонажа были свои недостатки – и недоброжелатели. Тщательное измерение ступней, ушей и пальцев таких преступников, как Томас Нил Крим, было трудоемким процессом, и для обеспечения точности результатов требовались квалифицированные, хорошо обученные специалисты. Инструменты изнашивались или гнулись из-за постоянного использования, что приводило к ошибкам – невинного человека могли спутать с преступником аналогичного роста и телосложения. Более того, бертильонаж нельзя было использовать для отслеживания преступников, которые не достигли зрелости, ведь вся система была построена на идее постоянности размера костей. Также не существовало центрального реестра, что затруд-

няло розыск подозреваемого, который отказывался сообщить, где жил или работал до ареста. Некоторые тюремные чиновники ставили под сомнение справедливость ведения подробного учета людей, которые отсидели свой срок и, возможно, никогда больше не нарушат закон. Контраргумент Макклаффри о том, что записи проверялись только в случае, если бывший заключенный совершал повторные преступления, определил самый серьезный недостаток системы – сопоставление результатов измерений доказывало лишь то, что подозреваемый прежде имел судимость. В отличие от отпечатков пальцев, до признания которых в качестве криминалистического инструмента оставались долгие годы, бертильонаж не мог связать находящегося под стражей с местом преступления. «Полиция или детектив не могут преследовать того или иного человека, – признал Макклаффри на национальном собрании начальников тюрем в 1890 году, – лишь на основании данных этой системы».

Когда летом 1891 года Крим вышел из стен Джолиета, мало что связывало мужчину с его темным, кровавым прошлым. Он был врачом из Канады, получившим лицензию на практику в одном из самых уважаемых медицинских университетов мира, и в то же время – убийцей нового типа, выбирающим жертв наугад¹ и убивающим без угрызений совести. Хладнокровный злодей, убивавший, как позже напишут в газете *Chicago Daily Tribune*, «просто ради убийства». Один из самых жестоких и успешных преступников в истории.

Герман Уэбстер Маджет – врач, известный под именем Генри Говард Холмс, – погубил по меньшей мере девять человек и считается первым серийным убийцей Америки. Однако к тому времени, когда Холмс заявил о своей первой жертве в 1891 году, и даже до того, как печально известный Джек-потрошитель терроризировал Лондон в 1888 году, Крима уже подозревали в убийстве шести человек, большинство из которых были намеренно отравлены испорченными лекарствами. Последней жертвой Крима стал муж его любовницы, и именно из-за этого преступления его отправили в похожую на гроб камеру в Джолиете. Его предыдущие жертвы – две в Канаде, включая его жену, и еще три в Чикаго – были молодыми женщинами, беременными и отчаянно желавшими сделать аборт. Они не были в чем-либо виновны – лишь совершили трагическую ошибку, доверив свои жизни врачу по имени Томас Нил Крим.

¹ Выбор жертвы наугад обычно говорит о дезорганизованном типе преступника. Как правило, у таких людей довольно низкий интеллект. Но поскольку Крим получил неплохое образование, то можно предположить у него наличие психического расстройства. Однако стоит помнить, что для понимания психологии преступника важно иметь более полную картину преступлений. Например, Крим выбрал жертв случайно в понимании обычного человека. Однако для Крима жертвы могли иметь сходство, известное лишь ему. Даже их половая принадлежность могла быть объединяющим фактором. При этом Крим тщательно выбирал, как изменить внешность и не попасть в руки полиции. А это уже свидетельствует об организованном типе преступника.



Томас Нил Крим вскоре после освобождения из тюрьмы в 1891 году (Библиотека изображений науки и общества, Лондон, изображение 10658277)

В эпоху, когда полицейские расследования часто были поверхностными, а криминалистика только начала развиваться, детективам не хватало инструментов и опыта, необходимых для выслеживания такого грозного врага. Мало кто мог представить, что такие монстры вообще существуют. Но это лишь отчасти объясняет, как Криму сошли с рук убийства в двух странах, прежде чем его наконец посадили в Джолиет. Репутация и профессиональный статус Крима, неудачные расследования, коррумпированные сотрудники полиции и суда, неудачные судебные преследования и упущенные возможности – все это позволяло ему убивать снова и снова.

Тонкий след, документирующий шокирующие преступления Крима, растянулся от маленького городка в Канаде до Иллинойса, и только выцветшие воспоминания, забытые

судебные записи и пожелтевшие газетные вырезки соединяли обрывки событий в единое целое. Система идентификации Бертильона, передовая технология для того времени, не могла помешать осужденному преступнику исчезнуть, подобно призраку. Если бывший заключенный хотел скрыть свое прошлое – чего, несомненно, желал и Крим, – ему было достаточно сменить имя.

I. «Первый из преступников»

Лондон, 1891 год

Глава 1. «Великий город, пораженный грехом»

Мужчина в макинтоше, защищающем его от дневного ливня, и цилиндре, прикрывающем лысую голову, появился у дверей дома 103 на Ламбет-Пэлас-роуд. Он сказал, что его зовут Томас Нил и он ищет жилье, и хозяйка предоставила ему комнату на верхнем этаже в задней части дома. На дворе было 7 октября 1891 года. Крим вернулся в Ламбет – переполненный лабиринт грязных трущоб и дымных фабрик, располагающийся через Темзу от готического великолепия зданий парламента. Крим хорошо знал этот район Лондона: дом, где он жил, стоял напротив больницы Святого Томаса, в которой он учился медицине более 10 лет назад. Он не мог не заметить, что со времени его последнего визита рядом возвели новое здание, расположенное чуть ниже по реке от башни Биг-Бен. Облицованный полосами красного кирпича и белого камня и стоявший на фундаменте из гранита, добытого заключенными Дартмура и других тюрем, в городе появился новый штаб Столичной полиции, широко известный как Скотленд-Ярд.

Крим находился в самом сердце крупнейшего города мира, столицы империи в зените своей мощи. Полосы алого цвета на глобусах и картах обозначали притязания Великобритании, находящейся под властью королевы Виктории, на обширные территории – и десятки миллионов людей. Лондон был огромным мегаполисом с населением более пяти миллионов человек, сверкающим бастионом богатства и власти, построенным на фундаменте бедности, преступности и отчаяния. Церковные шпили и гигантский круглый купол собора Святого Павла возвышались над морем шиферных крыш и труб, извергающих черный угольный дым. На главных улицах царил хаос из экипажей, грузовых фургонов и запряженных лошадьми омнибусов. Ночью тротуары превращались в море котелков и украшенных перьями широкополых шляп, когда мужчины и женщины, словно призраки, проходили сквозь завесы мерцающего газового света и зловещего тумана. Карманники протискивались сквозь толпу, вытаскивая из карманов часы и бумажники. Проститутки осматривали публику в театрах и мюзик-холлах Вест-Энда в поисках клиентов или прогуливались по соседнему Стрэнду, превращая оживленную улицу, по словам одного наблюдателя, в «один из самых громких скандалов Лондона». Анклавы богатых и привилегированных соседствовали с грязными, опасными трущобами, такими как Уайтчепел, где всего три года назад печально известный Джек-потрошитель жестоко убил пять женщин. Для редактора городской газеты *Daily Chronicle* Лондон был современными Содомом и Гоморрой, «великим городом, пораженным грехом».



Стрэнд в 1890 году. Оживленная улица стала одним из лондонских охотничьих угодий Крима (Библиотека изображений науки и общества, Лондон, изображение 10436070)

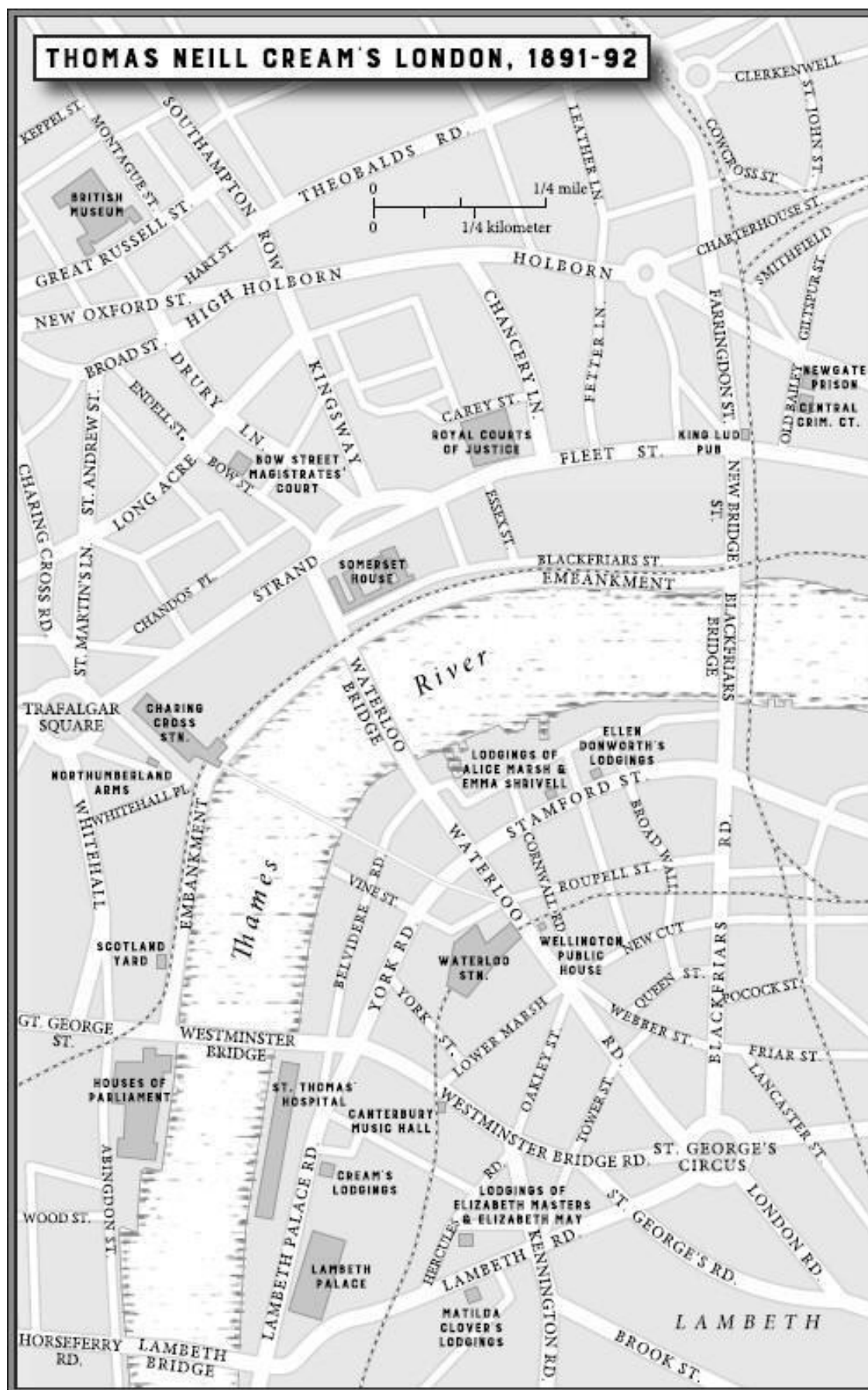
Ламбет соперничал с Уайтчепелом за звание самого бедного, грязного и преступного района города. Даже полиция не чувствовала себя там в безопасности – один полицейский-новичок во время патруля столкнулся с группой головорезов из Ламбета, и его бросили в витринное стекло магазина. Когда журналист Генри Мэйхью вознамерился разоблачить преступный мир Лондона XIX века, он направился к «хорошо известному логову молодых воров» и обнаружил, что дети в возрасте пяти лет бродят по улицам в рваной одежде, воруя, чтобы выжить. «Фейгин, Билл Сайкс и Оливер Твист чувствовали бы себя как дома в викторианском Ламбете, – отметил знаменитый писатель Саймон Винчестер. – Это был диккенсовский Лондон, написанный крупным планом».

Фабрики Ламбета наполняли воздух дымом и сажей. Литейный цех Модсли ковал детали для паровых

двигателей, насосов и других механических чудес, которые приводили в движение мир Викторианской эпохи. Глиняные кувшины, каминные горшки и водосточные трубы обжигались в знаменитых гончарных мастерских Генри Доултона. Над головой пыхтели и лязгали поезда, едущие по надземным железнодорожным линиям, которые пролегали через сердце соседнего района. Их пунктом назначения был вокзал Ватерлоо, один из главных вокзалов города. Тысячи людей – жители пригородных районов, путешественники, направляющиеся в пункты на юге Англии, пассажиры пароходов, недавно прибывшие из-за границы через Саутгемптон, – каждый день проходили через его двери. Живых беспокоили даже мертвые. Лондонские кладбища были настолько переполнены, что специальная железная дорога, линия Некрополя, перевозила трупы с местной станции на кладбища к югу от города. Ламбет, как отметил лондонский историк Питер Акройд, «был во всех смыслах свалкой».

Он также считался и «самым зловещим и отвратительным» из городских районов. Прилегающая к вокзалу Ватерлоо местность, притягивающая пешеходов, стала известна как «Бордель». Кирпичные опоры надземных путей станции создавали уединенные места, где можно было вести бизнес, – чередой «темных, сырых арок», пожаловался один житель, «заработала у местного населения сомнительную репутацию».

В прессе проституток называли «несчастливыми», но некоторые женщины, предлагающие услуги на улице или находящие клиентов в Кентербери, Чаринг-кросс и других мюзик-холлах Ламбета, считали себя счастливицами.



Лондон Томаса Нила Крима, 1891–1892

*Жизнь молодых женщин из бедных, испытывающих трудности семей
была опасной.*

Внезапное несчастье – смерть родителя или мужа, разрыв брака или отношений, потеря низкооплачиваемой работы горничной или места на фабрике – могла оставить их на произвол судьбы. Как в исследовании жизни и взглядов Викторианской эпохи отметила британская журналистка Кэтрин Хьюз, некоторые женщины из рабочего класса обращались к проституции, когда «способы получения дохода от ручного труда – работы модисткой, домашней прислугой или фабричной рабочей – оказывались неэффективными». Торговля телом, даже практикуемая на протяжении всего нескольких недель или месяцев, могла быть их единственной возможностью получить то, в чем большинству женщин, независимо от их социального положения, в те времена отказывали, – доход и независимость. Одна проститутка из Ламбета рассказала Мэйхью, что зарабатывала целых четыре фунта в неделю, что намного больше, чем она получала, будучи прислугой в Бирмингеме и «работая не покладая рук».

Ламбет, казалось, кишел проститутками. «На улице было больше женщин, чем когда-либо, и они стали наглее и настойчивее», – жаловался преподобный Г. Э. Аскер из церкви Святого Андрея. Даже ему они делали непристойные предложения. «Бордели – это чудовищные места, настоящий ад, – добавил Аскер. – Оттуда часто слышны вопли и крики „убивают“ и так далее».

Для героя этой истории Ламбет стал идеальными охотничьими угодьями.

* * *

Мэри Крим было всего 14, когда ее старший брат ушел из дома, чтобы поступить в медицинскую школу. Она иногда встречала упоминания о его беспокойной жизни: работе врачом в Онтарио и Чикаго, осуждении за убийство. Увидев его снова в Квебеке летом 1891 года, впервые почти за два десятилетия, она едва могла поверить своим глазам – таким жутким он был. «Он был очень вспыльчивым и возбудимым, – вспоминала она. – У него не все в порядке с головой».

Крим прибыл в Квебек 2 августа, вскоре после освобождения из тюрьмы Джолиет. Его семья эмигрировала из Шотландии в Канаду, когда ему было четыре года, и поселилась в столице провинции Квебек. Его отец, Уильям Крим, руководил крупной фирмой по экспорту древесины и к моменту своей смерти в 1887 году сколотил целое состояние. После отбывания тюремного срока Крим провел в городе почти шесть недель, остановившись в доме своего брата Дэниела. Родственники стали называть его Томасом Нилом. «Он пожелал сменить имя и избавиться от фамилии Крим, – отметил Томас Дэвидсон, квебекский бизнесмен и друг семьи, – из-за досадных неприятностей». Никто, казалось, не подозревал, что у него могут быть другие мотивы для смены имени.

«Временами его действия выглядели как проявления душевной болезни, – вспоминала Джесси Рид, жена Дэниела Крима. – Он резко менял выражение лица и казался другим человеком», возбужденный и маниакальный в один момент, спокойный и с отсутствующим взглядом в следующий. Дэвидсон, который списывал «психическое расстройство» и «неуравновешенность» Крима на последствия долгого тюремного заключения, был потрясен, когда Томас «в самой скандальной манере» набросился на одну из своих сестер² – возможно, Мэри Крим, –

² Здесь у Крима наблюдаются черты так называемого миссионера. Это тип преступника, который может быть одержим идеей, что все женщины – проститутки и им незачем жить на свете. Такой тип следует отличать от тех, кто убивает проституток потому, что они удобные жертвы. Они слабо социально защищены, часто не имеют семьи и тех, кто их бы защитил. Поэтому становятся легкой добычей преступников. Но у Крима можно наблюдать именно нездоровый фокус на теме «гуляющей женщины». Самая незначительная деталь во внешнем виде или поведении женщины могла родить в его расстроенном мозге

назвав ее уличной девкой и лгуньей. Эта «чудовищная клевета», как позже отметил Дэвидсон, повторялась и в письме, которое Томас отправил друзьям сестры.

Дэвидсон и Дэниел Крим разработали план по отправке Томаса за границу. Они посчитали, что начало жизни с чистого листа может улучшить самочувствие Томаса. К тому же это освободило бы их от необходимости иметь дело с его оскорбительным поведением. Как исполнители завещания Уильяма Крима, Дэниел и Дэвидсон изъяли из наследства сумму, эквивалентную 23 000 долларов США на сегодняшний день, которая помогла бы Томасу встать на ноги. Дэниел подумывал отправить его в Глазго – там он мог навестить своих родственников, – но в итоге они остановились на Лондоне, городе, который Крим знал по дням в больнице Святого Томаса, что провел там в конце 1870-х годов. Трансатлантический пароход мог доставить его в Ливерпуль чуть больше чем за неделю, но они предпочли посадить его на более медленный парусный корабль. «Мы подумали, – объяснил позже Дэвидсон, – что долгое морское путешествие и полная смена обстановки восстановят как его психическое, так и физическое здоровье».

Девятого сентября, в ночь перед отплытием в Англию, Томас написал завещание. Он утверждал, что пребывает «в здравом уме», и, как ни странно, назвал невестку Джесси Рид своим душеприказчиком и единственным наследником. В случае его смерти она должна была унаследовать все его имущество, а также все, что причиталось ему из имущества его умерших родителей. Испытывал ли он чувство неминуемой обреченности, думая, что не вернется из Англии? Завещание из двух абзацев, написанное аккуратным, ровным почерком, с которым вскоре познакомятся детективы Скотленд-Ярда, не давало никакого представления о его мотивах.

На следующее утро он покинул Квебек. Первого октября, после 20-дневного путешествия, он нацарапал записку Дэниелу Криму, сообщая о своем прибытии в Англию.

* * *

Крим стал завсегдатаем ресторана Gatti's Adelaide Gallery на улице Стрэнд. Обстановка ресторана была элегантной – сводчатые потолки, витражи, декоративная штукатурка, палитра синего и золотого, – а потому он являлся любимым местом театральной публики. Актеры и драматурги из близлежащих театров занимали большинство мест за мраморными столешницами. Однажды, когда все столы были заняты, Крим подсел к незнакомому и представился как Томас Нил. Он был образован, со вкусом одет, «хорошо просвещен и путешествовал, как и все мужчины», – вспоминал другой посетитель заведения. Они заказали много блюд; Крим предпочитал хлеб с сыром, который запивал пивом или джином, а также яйца ржанки и другие деликатесы, имевшиеся в меню. Он рассказывал, как ему нравилось посещать городские мюзик-холлы, говорил о деньгах и, казалось, был одержим ядами. И все же большую часть времени он говорил о женщинах³.

«Его высказывания о них были далеки от терпимых или приятных», – вынужден был признать его компаньон по обеду.

У Крима с собой имелась коллекция порнографических фотографий, которые он с удовольствием показывал новому знакомому и другим посетителям.

Он был беспокойным и суетливым: не мог усидеть на месте, даже когда пил в баре ресторана, и всегда что-то жевал: жвачку, табак или кончик сигары; его челюсти «двигались механи-

мысль, что женщина – проститутка. Что и могло определить в будущем выбор жертв.

³ У преступников такого типа в голове постоянно происходит борьба – они желают общения с женщинами, но из-за расстройств или перенесенной психологической травмы (например, отказа в отношениях) предпочитают считать всех женщин падшими. Это облегчает им их отношение. Если все женщины – проститутки, то и нужно относиться к ним соответственно. Внутренний конфликт решен, человек чувствует облегчение.

чески, как у коровы, жующей траву». Он настороженно относился к каждому, кто приближался к его столику, будь то проходящий мимо посетитель или официант. Он редко улыбался, и его смех звучал натянуто и фальшиво, как будто он играл злодея в дешевой мелодраме. Более того, люди не могли не заметить, что его левый глаз косил – это придавало ему безумный, зловещий вид. Позже Крим утверждал, что приехал в Лондон, чтобы проконсультироваться с окулистом, и после прибытия он действительно посетил кабинет оптика на Флит-стрит. Джеймс Эйтчисон определил его заболевание как гиперметропию, или дальнозоркость: его глаза неправильно фокусировались, затуманивая зрение и вызывая сильные головные боли. Эйтчисон пришел к выводу, что Крим страдал этим заболеванием с детства, а потому уже давно нуждался в очках, и снабдил его двумя парами очков.

Чем больше товарищ по обеду узнавал о Крime, тем больше беспокоился. «Он был чрезвычайно порочен и, казалось, жил только для удовлетворения своих страстей⁴, – вспоминал он. – Его вкусы и привычки были самого извращенного порядка». Крим не скрывал, что употребляет наркотики: по его словам, он постоянно принимал по три-четыре таблетки, содержащие кокаин, морфин и стрихнин – смертельный яд, в малых дозах используемый в качестве стимулятора. Таблетки облегчали его головные боли. Кроме того, он с удовольствием отмечал, что они обладают свойствами афродизиака.

Достать наркотики и яды в Лондоне, как выяснил Крим, было несложно.

Он зашел в аптеку на Парламент-стрит – прямо за углом от новой штаб-квартиры Скотленд-Ярда – и представился врачом из Америки, приехавшим в город, чтобы пройти курсы в больнице Святого Томаса. Помощник аптекаря Джон Киркби не смог найти имя Томаса Нила в реестре лицензированных врачей магазина. «У меня нет привычки продавать яды лицам, чьих имен нет в реестре», – сказал он позже. Доступ к ядам был ограничен законом, и, если Крим не мог доказать, что является врачом, кто-то из знакомых фармацевтов должен был поручиться за него. Однако Киркби сделал исключение и поверил новому клиенту на слово. Той осенью он несколько раз продал Криму опиум и стрихнин, а когда Крим попросил пустые желатиновые капсулы такого размера, который обычно не используется в Великобритании, Киркби услужливо разыскал их у поставщика. Такие капсулы наполняли лекарствами, которые были слишком горькими на вкус, чтобы принимать их в виде порошка или таблеток.

Крим не сказал, как намеревался использовать стрихнин или труднодоступные капсулы. А Киркби его не спрашивал.

⁴ Такое поведение в то время не было чем-то удивительным. Это обратная сторона так называемой пуританской культуры секса. Изначально религиозная, она выступает против любых удовольствий. Идеал женщины – невинная и асексуальная. Тело максимально закрыто, даже осмотр врача через одежду. Никаких разговоров о сексе, даже из литературы вычеркивали все безнравственное. Тогда родились мифы, связанные с сексом, и появились особые наказания: за влечение избивали, отправляли в психушки, женщин за измену сажали в тюрьму, проводили чудовищные операции по удалению клитора (да, в Европе тоже это было). При этом расцвела проституция, в том числе детская, и порнография. Знатные и обеспеченные люди устраивали настоящие оргии, на которых не только предавались сексуальным утехам, но и употребляли наркотики, в основном опиаты. Далее по тексту мы узнаем, что достать их в Лондоне было несложно.

Глава 2. Сыскная лихорадка

«Чувствуете ли вы неприятный жар в желудке, сэр, и прескверное колотье на вашей макушке? – спрашивает Габриэль Беттередж, главный слуга в доме леди Вериндер, другого персонажа романа 1868 года «Лунный камень». – А! Нет еще! Ну, так это случится с вами... Я называю это сыскной лихорадкой...»

История интриги Уилки Коллинза и бесценного украденного бриллианта («лунный камень» в названии) познакомила мир с одним из первых профессиональных детективов в английской литературе – сержантом лондонской полиции Каффом. «Крупнейший сыщик в Англии», – уверяют читателей. Его первое задание в «Лунном камне» – тщательный осмотр комнаты, где хранился драгоценный минерал. «Во всех моих странствованиях по грязным закоулкам этого грязного света я еще не встречался с тем, что можно назвать пустяками». «Я не подозреваю, – уверенно заявляет он на другом этапе своего расследования. – Я знаю». Беттередж, который наблюдает за Каффом во время расспросов, вскоре заражается сыскной лихорадкой.

Как и викторианская публика. Преступления и убийства были навязчивой идеей на протяжении всего XIX века. «Ничто, – провозгласил один лондонский новостной агент, – не сравнится с ошеломляюще хорошим убийством». Читатели жаждали «сенсаций» и опосредованного трепета, потому что это позволяло заглянуть в пучину зла и скандалов с безопасного расстояния. Один социальный историк из Великобритании сравнил это с формой порнографии – преступным удовольствием, которому можно предаваться в газетах, книгах и пьесах.

Писатели из всех сил старались создавать романы, основанные на последних безобразиях, в то время как лондонские театральные дельцы иногда выносили преступления на сцену еще до того, как реальный злоумышленник предстал перед судом.

Охотники за сувенирами могли купить керамические статуэтки, изображающие убийц и жертв. Основная пресса, взяв пример с *The Illustrated Police News* и других прибыльных криминальных изданий, предлагала зловещие отчеты о жестоких смертях и следовавших за ними судебных процессах. Им даже приходилось приносить извинения, если читателей разочаровывали отчеты о «банальных убийствах». В 1861 году одно лондонское издание, *The Spectator*, описало основные события прошедшей недели в британских судах: сообщения о двух женщинах, отравивших своих детей, жильце, убившем квартирную хозяйку, врача, сделавшем аборт со смертельным исходом, и мужчине, пытавшемся убить сына в пылу ссоры из-за наследства. В остальном, как отмечала газета, «неделя была скучной».

Убийство – зрелище, которым можно было наслаждаться и лично. Люди стекались на места преступлений, надеясь хоть мельком увидеть дом или переулок, где произошло кровопролитие. Они приходили в Центральный уголовный суд Лондона Олд-Бейли, где едва не дрались за места, желая стать свидетелями судебного процесса и вынесения приговора. Сатирический журнал *Punch* высмеял вуайеризм тех времен, опубликовав пародийный репортаж с текущего судебного процесса: «Боже мой! Это более захватывающе, чем опера, – сказала одна женщина подруге. – И еще более восхитительным оно становится оттого, что все это – правда».

Десятки тысяч людей мечтали стать свидетелями заключительного акта трагедии – казни преступника. Эти мрачные бдения продолжались даже после того, как в 1868 году в Великобритании запретили публичные казни через повешение. Шумные толпы продолжали собираться у тюрем в день казни и разражались радостными возгласами, когда подтверждали смерть убийцы. Те, кому отказывали в возможности увидеть повешение преступника, могли посе-

тить лондонский музей мадам Тюссо, где в Комнате ужасов выставлялись восковые фигуры печально известных убийц. Английский эссеист Томас Де Квинси высмеял эту жажду крови в эссе с провокационным названием «Убийство как одно из изящных искусств». «В состав прекрасного убийства входит нечто большее, чем два болвана, которым нужно убить и быть убитыми – нож, кошелек и темный переулок», – написал он в журнале *Blackwood*. Массы могут быть удовлетворены «обильным пролитием крови», но «у просвещенного ценителя вкус более утонченный».

* * *

Создание лондонской столичной полиции в 1829 году и ее сыскного отделения в 1840-х годах ввело нового игрока в этот спектакль о преступлении и наказании – профессионального следователя. Чарльз Диккенс был первым, кто популяризировал работу сыщиков Скотленд-Ярда. В журнальной статье 1850 года он восхвалял их «необычайный интеллект» и способность к «острой наблюдательности и быстрому восприятию». Один из таких следователей, Чарльз Филд, стал прототипом мистера Бакета – инспектора, несколько лет спустя появившегося в романе Диккенса «Холодный дом». Бакет «спокойным и острым взглядом» оценивал ситуации и с легкостью читал людей. «Ничто, – писал Диккенс, – не ускользает от него».

Уилки Коллинз тоже черпал вдохновение среди представителей сыскного отдела. Прототипом сержанта Каффа стал детектив-инспектор Джонатан Уичер из Скотленд-Ярда – они даже разделяли страсть к садоводству, – а сюжет «Лунного камня» основан на одном из самых известных и загадочных дел Уичера – убийстве ребенка в загородном поместье Роуд-Хилл в 1860 году. Однако Диккенс и Коллинз не являлись первопроходцами детективного жанра – Эдгар Аллан По создал его еще в начале 1840-х годов. В «Убийствах на улице Морг» и других рассказах По представил обществу Огюста Дюпена – сыщика-любителя, который использовал логику и разум для раскрытия тайн и преступлений. И все же величайший вымышленный детектив из всех возник в 1880-х годах, родившись в воображении врача из Эдинбурга, решившего построить карьеру писателя. Артур Конан Дойл сочетал логический склад ума Дюпена из книг Эдгара По с наблюдательностью и быстротой умозаключений реального врача Джозефа Белла, который был одним из его преподавателей в медицинской школе. Он воплотил «новую идею детектива» в культовом персонаже, которого мир вскоре узнал как Шерлока Холмса.

Холмс и его партнер по расследованию преступлений, доктор Джон Ватсон, дебютировали в 1887 году в «Этюде в багровых тонах» – детективе об убийстве, впервые опубликованном в журнале *Beeton's Christmas Annual*, а затем выпущенном в виде книги. Критик эдинбургской газеты *The Scotsman* назвал историю захватывающей и доказывающей, что «настоящий детектив должен владеть искусством наблюдения и дедукцией». Эта история создала вселенную, которую позже полюбят миллионы читателей. Холмс и доктор Ватсон, выступающий в роли рассказчика, живут в одной квартире по адресу Бейкер-стрит, 221Б, где и встречаются с чередой отчаявшихся клиентов и сбитых с толку детективов Скотленд-Ярда. Холмс демонстрирует поразительную наблюдательность и раскрывает подробности жизни своих посетителей еще до того, как у них появляется возможность о них рассказать. Он описывает себя как детектива-консультанта – полиция обращается за его помощью, когда заходит в тупик в попытках раскрыть преступление.



В прошлом врач, а потом писатель Артур Конан Дойл создал своего культового персонажа Шерлока Холмса – «новую идею детектива» – в середине 1880-х годов (авторская коллекция)

«Они знакомят меня со всеми обстоятельствами дела, и, хорошо зная историю криминалистики, я почти всегда могу указать им, где ошибка», – уверяет он доктора Ватсона.

Второе приключение Холмса, «Знак четырех», представляет собой повесть об убийстве, предательстве и потерянных сокровищах, опубликованную в Англии и Соединенных Штатах в 1890 году. «Среди детективных историй, – правильно предсказал американский рецензент, – она должна стать классикой». К моменту выхода книги читатели знали, что Холмс был экспертом по химическим веществам и ядам, опубликовал книгу на загадочную тему различения разновидностей сигарного пепла и вел похожий на энциклопедию справочник преступлений и преступников. Они следовали за ним, когда с лупой в руке он осматривал места преступлений в поисках отпечатков ботинок, следов грязи и крови и других улик. Кроме того, они наблюдали, как он затмил незадачливого инспектора Лестрейда и других трудолюбивых детективов

Скотленд-Ярда. Когда лондонская полиция «в тупике» – что, как с презрением замечает Холмс в «Знаке четырех», является «их нормальным состоянием», – он приходит на помощь. «Расследование преступления – точная наука, по крайней мере должно ею быть», – говорит Холмс.

Конан Дойл снова оживил Холмса и доктора Ватсона летом 1891 года, незадолго до приезда Томаса Нила Крима в Лондон, для серии коротких рассказов, опубликованных в *The Strand Magazine*. Широкая аудитория и последовательный подход сделали Холмса сенсацией.

Интерес публики к убийствам и детективным историям, как отметил эксперт по криминальной фантастике Джон Карран, стал «почти ненасытным».

Газетные киоски и книжные магазины осаждали читатели, готовые заплатить шесть пенсов за последний номер и новое приключение Холмса. «Сцены в книжных киосках на железной дороге, – вспоминал один зритель, – были хуже, чем все, что я когда-либо видел на дешевой распродаже». Библиотеки, чтобы приспособиться к растущим легионам поклонников Дойла, в третий четверг месяца работали допоздна – именно в этот день публиковали *The Strand*, и многочисленные посетители приходили насладиться последними приключениями сыщика. По одной оценке, два миллиона человек – из грамотного населения Англии, насчитывавшего в то время около 17 миллионов человек, – читали *The Strand*. Крупные газеты на всей территории Соединенных Штатов публиковали каждый выпуск, что позволило детективу завоевать еще и сердца и американцев.

Холмс был идеальным вымышленным героем для эпохи, когда разгадывание загадок стало тайным увлечением и грешным удовольствием приличного общества. Читателей «меньше интересовало, какие преступления совершались, – отметила британский историк и литературный критик Джудит Фландерс, – чем то, как они раскрывались». Крим, который вскоре проявил живой интерес к работе лондонских детективов, возможно, был лишь одним из многих читателей, подхвативших сыскную лихорадку со страниц «Лунного камня», «Холодного дома» и рассказов Эдгара По – все эти книги стояли на полках библиотеки пенитенциарного учреждения штата Иллинойс.

* * *

В то время как Диккенс и Коллинз изображали детективов Скотленд-Ярда умными, даже героическими фигурами, Лестрейд Конан Дойла помог увековечить новый стереотип: полицейский – неуклюжий дурак. История за историей детектив упускал из виду улики, преследовал не того подозреваемого или обращался к Холмсу – самопровозглашенному «последнему и высшему апелляционному суду в расследовании» – за помощью в раскрытии запутанного дела. В одном из номеров журнала *The Strand* Холмс ругает инспектора за то, что тот позволил зевакам бродить вокруг тела жертвы убийства «как стадо буйволов», почти стирая отпечатки ботинок убийцы. Реклама историй *The Strand*, укрепляя представление о некомпетентности полиции, восхваляла способность Холмса раскрывать дела, которые «бросали вызов лучшим талантам Скотленд-Ярда – „талантам“, к которым он испытывал немалое презрение». В постановках в лондонских мюзик-холлах офицеров изображали злодеями или делали предметом шуток. Пресса тоже часто была настроена враждебно, особенно если казалось, что расследование громкого преступления застопорилось. Возмущенные передовицы и гневные письма в редакцию требовали арестов и ставили под сомнение компетентность полиции. *Punch* высмеял «неполноценный отдел» Скотленд-Ярда, в то время как *The Pall Mall Gazette* подвергла сомнению интеллект детективов и «бестолковых» полицейских.

Детективы Скотленд-Ярда ошетинивались, когда читали или слышали имя Шерлока Холмса. Историки полиции выражают негодование по поводу того, что их изображали «неумелыми головорезами, хронически нуждающимися в помощи детектива-консультанта», что создавало впечатление, будто «в Скотленд-Ярде одни дураки». *The Police Review* – професси-

ональный журнал, поддерживающий полицию и уставший от постоянного «сарказма Конан Дойла в адрес Скотленд-Ярда», – упрекнул автора в «распространении вредного популярного заблуждения» о спорных методах и некомпетентности детективов. Конан Дойл, казалось, осознавал влияние своих историй и, по крайней мере в частном порядке, защищал имидж Скотленд-Ярда. «Мой опыт работы с британской полицией, – однажды заметил он, – показывает, что наши полицейские гораздо эффективнее, чем кажутся».

* * *

Приключения Холмса и доктора Ватсона в глазах общественности сделали расследование легким делом, похожим на благородную салонную игру, в которую мог поиграть любой желающий. Однако для поимки преступников в реальном мире требуется нечто большее, чем «применение чистого разума», умение подмечать детали и делать блестящие выводы», – ворчал Фредерик Уэнсли, начавший службу в столичной полиции в конце 1880-х годов с должности констебля в Ламбете и дослужившийся до звания инспектора. Требовалась тяжелая работа, терпение и находчивость, чтобы собирать доказательства и выстраивать дело, которое затем рассмотрят в суде. «Именно открыв все факты, – настаивал Уэнсли, – детектив проявляет себя».

Вымысел столкнулся с жизнью, когда доктор из Америки вернулся в свое старое пристанище в Лондоне. Томас Нил Крим стал одной из величайших сенсаций эпохи, бросившей вызов детективным навыкам инспекторов Скотленд-Ярда. В «Пестрой ленте» – одном из рассказов о Шерлоке Холмсе, опубликованных в *The Strand Magazine* зимой 1891/92 года, – доктор Гримсби Ройлотт обучает ядовитую желтую змею с коричневыми пятнами (ту самую «пеструю ленту» из названия) проникать в запертую комнату, чтобы затем убить свою падчерицу, не оставив следов. Холмс считает, что только врач, знающий о токсинах и особенностях их воздействия, мог спланировать и совершить такое – почти идеальное – преступление. «Когда доктор – злодей, он всегда бывает самым ужасным преступником, – говорит он Ватсону. – У него есть и смелость, и знание».

Замечание Холмса о том, что врачи, которые убивают, «самые ужасные злодеи», вскоре оказалось пугающе пророческим.

Глава 3. Эллен Донворт

Лондон, 13 октября 1891 года

Она стояла на Ватерлоо-роуд, что в Ламбете, прислонившись к стене напротив краснокирпичной башни веллингтонского паба. Непрерывный поток людей мелькал перед ней, выходя со станции Ватерлоо или мчась в противоположном направлении, чтобы успеть на поезд. Стояла влажная, пронизывающая до костей октябрьская ночь. Штормовой ветер и проливной дождь обрушивались на Лондон весь день, срывая лодки с причалов вдоль Темзы и вырывая с корнем деревья в городских парках. Но Эллен Донворт, казалось, не обращала внимания на погоду. Мужчины останавливались, разговаривали с ней, а затем сопровождали ее до дома, что находился в нескольких шагах оттуда. Примерно через 15 минут она вновь возвращалась на свой пост.

Около восьми вечера Джеймс Стайлз стоял у входа в паб, откуда и увидел, как Донворт рухнула на тротуар. Он поспешил на помощь. Ее лицо было покрыто порезами и синяками. Проходивший мимо полицейский тоже остановился и спросил, нужна ли ей медицинская помощь. «Я хочу домой», – сказала она. Стайлз проводил девушку до ее комнаты на Дьюк-стрит в доме 8. Ей было больно. На протяжении всего пути – около полукилометра вдоль многоквартирных домов на Стэмфорд-стрит, – она пошатывалась. Иногда ее лицо дергалось, и спазмы не прошли даже после того, как девушку уложили в постель. Домовладелица Донворт и Энни Клементс – соседка по квартире – пришли ей на помощь. Иногда она была «совершенно в своем уме», вспоминал Стайлз, но порой им троим приходилось держать девушку за руки и за ноги – ее тело била крупная дрожь.

«Высокий темноволосый косоглазый мужчина дал мне что-то выпить», – сказала Донворт Клементс. В бутылке было «какое-то белое вещество».

Джон Джонсон, фельдшер, вызванный из ближайшей клиники, подумал, что выяснил причину сильных прерывистых судорог – отравление стрихнином. «У нее были все симптомы», – вспоминал он. Девушке требовалась немедленная госпитализация, однако она пыталась от нее отказаться: «Позвольте мне умереть дома». Донворт все равно запихнули в кэб, чтобы проехать около километра до больницы Святого Томаса. К тому времени, как они прибыли в больницу, девушка уже умерла.

Джордж Персиваль Уайатт, коронер графств Лондон и Суррей, провел расследование в больнице два дня спустя, 15 октября. Перед ним вырисовывалась картина короткой, тяжелой жизни. Присяжным сказали, что Донворт, дочери простого рабочего, совсем недавно исполнилось 19. Забеременев в 16 лет, она ушла из дома, чтобы жить с отцом ребенка, Эрнестом Линнеллом – таким же подростком. Их ребенок умер вскоре после рождения. Линнелл подрабатывал в разных местах от случая к случаю, Донворт наняли наклеивать этикетки на бутылки на одной из фабрик Ламбета, но к осени 1891 года они уже несколько месяцев были безработными.

«На что вы жили?» – спросил Уайатт, когда Линнелл рассказал свою историю. «Раньше она ходила по улицам, – признался он, – и приносила домой деньги». Это откровение вызвало ропот в зале суда. Одна газета с презрением отметила, что мало того, что Донворт была проституткой, ее сожитель еще и без зазрений совести жил на «доходы от унижения девушки». Вскрытие не выявило очевидной причины смерти. Дознание отложили, чтобы позволить доктору Томасу Келлоку, врачу больницы Святого Томаса, проверить содержимое желудка Донворт.

* * *

Отдел L столичной полиции, патрулировавший Ламбет, возбудил дело 19 октября. Офицеры допросили проституток, которые видели, как Донворт входила в дом недалеко от вокзала Ватерлоо с тремя мужчинами за час до того, как упала в обморок. Все трое выглядели как торговцы, и ни один из них не подходил под описание человека, который дал Донворт выпить непонятное вещество. «Полиция установила, что она не могла находиться в компании высокого темноволосого мужчины, – отметил старший инспектор Колин Чисхолм, – с того момента, как ушла из дома, и до тех пор, пока ее не нашли на Ватерлоо-роуд».



Здания парламента и Вестминстерский мост, вид со стороны Ламбета на Темзе. Больница Святого Томаса находится справа (авторская коллекция)

Когда 22 октября расследование возобновилось, доктор Келлок подтвердил, что женщину отравили – в ее желудке обнаружили стрихнин и следы морфия. Чуть позже появилось еще несколько подробностей о высоком косоглазом мужчине: Энни Клементс сказала, что Донворт получила от него два письма, в одном из которых он назначил ей встречу в ночь ее смерти. Письма исчезли – Клементс полагала, что этот человек попросил Донворт вернуть их. Почерк на конвертах был аккуратным, засвидетельствовала она, «больше похожим на почерк леди, чем джентльмена».

Коронер Уайатт еще не осознавал, что видел тот же почерк несколькими днями ранее. Он получил странное письмо, в котором утверждалось, что Донворт убили:

«Дж. П. Уайатту, эсквайру, коронеру.

Я пишу, чтобы сказать, что если вам и вашим спутникам не удастся привлечь к ответственности убийцу Эллен Донворт, также известной как Эллен Линнелл, проживающей по адресу Дьюк-стрит, дом 8, то я готов оказать вам помощь по привлечению убийцы к ответственности, но при условии, что ваше правительство согласится заплатить мне 300 тысяч фунтов стерлингов за услуги; я не потребую никакой оплаты, если не добьюсь успеха».

Оно было подписано «А. О#Брайен, детектив». Триста тысяч фунтов были абсурдной цифрой – это десятки миллионов долларов по сегодняшним меркам. Уайатт предположил, что письмо, должно быть, написал шутник. Он спрятал его и не упомянул об этом во время расследования.

После завершения дачи показаний присяжные вынесли вердикт. «Покойная умерла от отравления стрихнином и морфием, – объявил старший присяжный, – но нет никаких свидетельств того, как это произошло».

Для Скотленд-Ярда существовало только одно возможное объяснение. «Нет никаких сомнений в том, что она сама сознательно приняла яд», – доложил своему начальству старший инспектор Чисхолм. Донворт была в депрессии после смерти ребенка, и то, что она занялась проституцией, «без сомнения, не давало ей покоя». После дознания Чисхолм поговорил с некоторыми присяжными заседателями, которые пришли к тому же выводу – по их мнению, она знала, что умирает, а потому приняла яд, желая покончить с собой. Они считали, что никакого высокого косоглазого мужчины не было. Суперинтендант Джеймс Брэннан из отдела L согласился. «Я не думаю, что есть хоть малейшие доказательства преступления», – отметил он после ознакомления с отчетом Чисхолма.

Роберт Андерсон, помощник комиссара столичной полиции, просмотрел досье в штаб-квартире Скотленд-Ярда и согласился. «Очевидно, – отметил он, – что это самоубийство». Но один вопрос оставался без ответа. Как Донворт удалось раздобыть стрихнин – яд, продаваемый только врачам?

* * *

Уильям Слейтер утверждал, что пошутил. Сорокапятилетний ювелир пригласил свою знакомую, Энни Боуден, выпить в пабе недалеко от вокзала Кингс-Кросс, в паре километров к северу от Ламбета. Он заказал эль, а затем вытащил из кармана бутылку с беловатой жидкостью.

«Я собираюсь принять этот яд. Тут хватит на 50 человек, – заявил он. – Не хотите немного?» Сначала он прижал открытую бутылку к губам, а затем поднес ее к бокалу Боуден. Шутка девушку не впечатлила – она подала жалобу в полицию. Слейтеру предъявили обвинение в покушении на убийство, и инспектор Джордж Харви из отдела L обратил на это внимание. Всего через три дня после того, как смерть Донворт объявили самоубийством, какого-то мужчину арестовали за попытку добавить беловатую жидкость, возможно являющуюся ядом, в напиток женщины. Харви возобновил дело и 3 ноября пришел на предъявление обвинения Слейтеру в сопровождении свидетелей, которые видели Донворт в ночь ее смерти. Одна из них, Констанс Линфилд, указала на Слейтера при опознании подозреваемых. «Это тот самый человек, – сказала она. – Мне так кажется». Слейтеру предъявили обвинение в убийстве Эллен Донворт. «Предполагаемая поимка „отравителя из Ламбета“, – гласили заголовки. Но в деле было мало доказательств. Другая женщина, которая видела Донворт и ее клиентов в ту ночь, не узнала Слейтера. Двадцать первого ноября прокурор попросил судью Хораса Смита снять обвинение, основанное исключительно на показаниях Линфилд, – полиция не смогла найти никаких других доказательств, связывающих Слейтера с Донворт. «Было слишком много сомнений, – признал прокурор, – чтобы ожидать, что присяжные признают подсудимого виновным на основании показаний этой женщины». Обвинение в убийстве Донворт сняли, но Слейтеру все еще предстоял судебный процесс по покушению на убийство Энни Боуден, хотя суд и не выяснил, на самом ли деле жидкость, которой он размахивал в пабе Кингс-Кросс, являлась ядом. Адвокат подсудимого настаивал, что он «виновен лишь в глупом поведении». Когда несколько недель спустя присяжные оправдали Слейтера, председательствующий судья отчитал власти за проведение «нелепого судебного преследования».

Полицейское дело о смерти Эллен Донворт, вернувшееся в Ламбет, снова закрыли.

Глава 4. Матильда Кlover

Лондон, 21 октября 1891 года

Крики пронзили ночную тишину, пробравшись в сны Люси Роуз и заставив ее проснуться. Они доносились сверху – из комнаты Матильды Кlover. Роуз, горничная, вызвала хозяйку Эмму Филлипс из ее комнаты, и вместе они помчались наверх. Кlover лежала поперек кровати, корчась, крича и, как позже выразилась Роуз, «вся дергаясь». Ее карие глаза «ужасно вращались», а длинные темно-каштановые волосы превратились в спутанное нечто. Ее тело напрягалось и тряслось в ужасающих судорогах.

«Меня отравил Фред, – выдохнула Кlover после того, как один из приступов утих. – Он дал мне какие-то таблетки». Мужчина сказал, что, приняв четыре таблетки перед сном, никто не подхватит «эту болезнь» – намек, без сомнения, на венерическое заболевание.

Роуз оставалась у постели Кlover, всеми силами пытаясь ее успокоить. Судороги накатывали волнами, затихая, пока следующий припадок с новой силой не охватывал ее тело. «В моменты облегчения, – сказала Роуз, – она была совершенно спокойной и собранной». У Кlover был двухлетний сын. «Принеси моего ребенка, – стала умолять она Роуз в какой-то момент. – Кажется, я умираю».

Хозяйка дома, Эмма Филлипс, отправилась за доктором. Она отперла входную дверь дома 27 на Ламбет-роуд, укрылась от проливного дождя под зонтом и поспешила по темным, странно изогнутым улицам. Когда она постучала в дверь врача Роберта Грэма, была половина пятого. Ей сказали, что Грэма не было дома – он ухаживал за пациентом. Вернувшись два часа спустя, Филлипс все же застала врача, уже собравшегося отправиться к роенице.

«Вам придется найти другого врача, – сказал он. – Я слишком занят». Ассистент врача, Фрэнсис Коппин, согласился прийти на дом к Кlover – на тот момент было уже около семи утра, а значит, Кlover корчилась от боли уже более трех часов.

Коппина провели в спальню. «У нее был учащенный пульс, она вся обливалась потом и дрожала», – вспоминал он. Он пробыл там около 10 минут, и этого хватило, чтобы стать свидетелем одной из конвульсий – сильного «содрогания тела». Он пообещал прислать лекарство, чтобы остановить частую рвоту, и ушел.

«Я пришел к выводу, что она страдала от эпилептических припадков из-за алкогольного отравления», – объяснил позже Коппин. Более дюжины лет работы фельдшером в Ламбете наглядно показали ему, «как употребляют алкоголь в различных его формах». «Я не сомневался, что эта женщина страдала от чрезмерного употребления спиртного».

Он был уверен в своих выводах, но они оказались неверными. Жить ей оставалось недолго: конвульсии и мучения продолжались еще два часа, после чего, в 9:15 утра 21 октября 1891 года, Матильда Кlover скончалась.

* * *

Доктор Грэм прибыл в полдень. Он лечил Кlover от симптомов алкоголизма, и в том месяце они не единожды встречались. Матильде было всего 27, но ее «ни в коем случае нельзя назвать сильной женщиной», отметил однажды Грэм, «и ее образ жизни не способствовал здоровью». Он поспешил к вернувшемуся Коппину и Филлипс, хозяйке дома. Коппин описал припадок Кlover во время краткого осмотра и озвучил предположение относительно причины смерти – алкогольное отравление. По заверениям Филлипс, Кlover была пьяна, когда ложи-

лась спать, а Роуз рассказала, что Кlover упомянула какие-то таблетки, но ей, похоже, никто не поверил.

Доктор Грэм нашел перо и составил свидетельство о смерти. «Я посещал Матильду Кlover во время ее последней болезни, – написал он. Это, конечно, было неправдой. – Насколько мне известно и насколько я верю, – добавил он, – причиной ее смерти стали, в первую очередь, белая горячка и, во-вторых, обморок». Потеря сознания и сердечная недостаточность – это симптомы алкогольной абстиненции, хотя врачу и сказали, что Кlover много пила в ночь смерти. Выводы, основанные на информации из вторых уст, оказались неверными. Возможность обнаружить и остановить убийцу была упущена.

«Мне не сказали, – позже протестовал доктор Грэм, – что эта последняя болезнь началась с криков, сильной агонии, спазмов, столбнячных судорог». Последние являются характерными признаками отравления стрихнином, и даже растущий легион поклонников Шерлока Холмса смог бы распознать их благодаря медицинскому опыту Артура Конан Дойла. Во втором романе про Холмса «Знак четырех» находят тело с конечностями, которые «вывернуты и скручены самым невероятным образом», а лицо «было искажено гримасой», и доктор Ватсон сообщает Холмсу, что жертву отравили «мощным растительным алкалоидом, каким-то веществом, похожим на стрихнин».

Доктор Грэм коротко поговорил с Люси Роуз, но не придавал большого значения тому, что молодой горничной рассказала находящаяся на смертном одре девушка, а именно упоминанию о мужчине, распространяющем отравленные таблетки. Если бы он спросил, Роуз сказала бы ему еще кое-что важное: она подозревала, что человек, которого Кlover называла Фредом, посещал их дом всего за несколько часов до того, как проявились первые симптомы.

Кlover привела его в середине вечера – так Роуз сказала полиции несколько месяцев спустя. Горничная впустила их в дом, благодаря чему получила возможность рассмотреть мужчину в свете масляной лампы. Он был чуть старше 40, высокого роста, с широкими плечами и густыми усами, а также носил цилиндр и пальто с накидкой. Кlover оставила его в комнатах, которые снимала наверху, а сама вышла, чтобы купить две бутылки эля, вероятно, в пабе «Мейсонз Армз», находившемся в том же доме. Мужчина ушел незадолго до того, как часы пробили 10. Роуз слышала, как Кlover пожелала ему спокойной ночи.



Матильда Кlover (Penny Illustrated Paper, 22 октября 1892 года)

Хотя Роуз никогда не видела этого человека прежде, в его визите не было ничего странного. «Кlover, – призналась она, – часто приводила к себе мужчин». Пристрастившись к алкоголю и изо всех сил стараясь в одиночку растить ребенка, она зарабатывала на жизнь проституцией. Пусть чрезмерное употребление алкоголя состарило и огрубило ее черты, а оспа изуродовала лицо, Clover знала, как себя подать. Когда она сидела перед фотографом, шляпа

с плоскими полями, как обеденная тарелка, балансировала на ее заколотых волосах, а модный жакет с высоким воротником, рукавами из кашемира и облегающим лифом подчеркивал ее фигуру в форме песочных часов. Ростом она была всего 155 сантиметров. Филлипс знала, как ее квартиросъемщица зарабатывает на арендную плату, но считала, что не должна лезть не в свое дело. «Раньше она принимала джентльменов», – сказала она, а затем заявила, что ей не доводилось хоть раз с ними сталкиваться.

Роуз нечасто виделась с мужчинами, которых Кlover приводила домой, но, как она позже призналась, она многое знала о ее последнем мужчине. Кlover рассказывала, что Фред купил ей пару дорогих ботинок и предложил платить ей 2,5 фунта в неделю, чтобы она не ходила зимой по улицам. Ранее в тот же день, ухаживая за ребенком Кlover, Роуз увидела в ее комнате открытое письмо, в котором говорилось о встрече в Кентерберийском мюзик-холле. Оно было подписано: «С уважением, Фред». Кlover, должно быть, взяла его с собой, отправившись на встречу, – когда Роуз обыскала комнату после смерти соседки, письмо исчезло.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.